

Л. М. Волосникова

О ПРИНЦИПЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ

L. M. Volosnikova

About the principle of academic autonomy

This article is considered about an evolution of a principle of university autonomy in European countries and problems of its realization in modern Russia.

Борьба за автономию университета от власти ведется, начиная со средневековых исходов студентов и преподавателей в другие города. Традиция академической автономии имеет давние корни. Гносеологически ее истоки восходят к платоновской идее о братстве философов (мудрецов) как элите мира, которые в силу их интеллектуального и морального совершенства могут устанавливать собственные правила поведения. В то же время университет как автономный институт — это продукт средневековья. Он не имеет прямой связи с античными учебными заведениями, такими, например, как платоновская Академия, Александрийский музей. Как социальный институт академическая автономия возникла в конце XI в. в первом европейском университете — Болонском. Университет представлял собой совокупность двух корпораций (*universitas*) — студенческой и профессорской. Студенческая корпорация получила от города Болоньи хартию, позволявшую ей заключать договоры с профессорами, регулировать аренду студенческого жилья, цену на аренду и продажу книг, определять преподаваемые курсы, устанавливать продолжительность лекций и каникул, осуществлять гражданскую и уголовную юрисдикцию над ее членами. Профессура образовала собственную ассоциацию, которая имела право экзаменовать, присваивать докторскую степень, брать плату за экзамен. Руководящим органом университета был генеральный совет, избираемый студентами, который, в свою очередь, избирал ректора.

Болонья стала прообразом средневекового высшего учебного заведения, находящегося под контролем студентов, в противоположность университету, находящемуся под контролем

преподавателей, который был создан позже в Париже. Студенческая *universitas* по своей правовой природе была корпорацией — юридическим лицом. Она давала студентам — в большинстве случаев иностранцам (а значит, бесправным) — большие преимущества. Будучи организацией, студенты могли эффективнее договориться с городским правительством и контролировать управление школой [1]. До начала XX в. университеты обладали собственной юрисдикцией. Возникшие позже европейские университеты (в том числе английская, так называемая оксбриджская модель) копировали в основном парижский образец.

В то же время французский историк Жак ле Гофф считает, что долгий период стагнации, в который погрузился университет после периода своего процветания в XIII в., обусловлен постепенным превращением университетской корпорации в привилегированную касту, живущую за счет бенефиция и чуждую участия в жизни городов. Эта благотворная для университета вовлеченность в городскую жизнь была не в последнюю очередь связана с рыночной практикой функционирования средневековых университетских преподавателей, вынужденных добывать средства к существованию путем распространения своих знаний [2]. При этом имеем в виду, что неизбежное включение университета в рыночные отношения имеет и негативные последствия, в широких масштабах проявившиеся за годы доминирования либеральной идеологии: ничто не разъедает высокую культуру и фундаментальную науку быстрее, чем рынок, превращающий университет в фабрику по производству образовательных услуг и разрушающий самобытность университетской корпорации.

Адептами академической свободы разработано теоретическое обоснование академической автономии как институциональной формы академической свободы. Оно заключается в следующих положениях. Во-первых, это обоснование особой миссии университета как источника, накопителя, хранителя и транслятора знаний и истины. Во-вторых, академическая свобода логически вытекает из декартовской теории познания, в соответствии с которой процесс познания предполагает свободу от внешнего контроля: независимое наблюдение, публичная верификация и распространение, спор мнений. В данном случае университет, академическая среда представляют собой особую действительность, достижение требований и целей которой требует автономии образования. В-третьих, это возрастание роли университета в условиях постиндустриального общества. К концу XX в. сложились следующие представления о целях и функциях университета как социокультурного объекта: создание условий для развития личности, сохранение и передача культурного и научного наследия, расширение объема знаний, распространение знаний. Достижение перечисленных целей осуществляется через реализацию университетом ряда функций: образовательной, исследовательской (познавательной и прикладной), диссеминационной (распространение знания через образование, конференции, патенты, публикации), консалтинговой, производственной (производство наукоемкой товарной продукции, востребованной рынком) [3].

В научной литературе последних лет, международных актах, документах Болонского процесса уделяется значительное внимание содержанию принципа академической автономии. Это связано с рядом обстоятельств.

В мире сейчас насчитывается более 11 тыс. высших учебных заведений, в них, по данным ЮНЕСКО, обучается около 70 млн. студентов. Расходы государств по поддержанию жизнедеятельности университетов непрерывно растут. В некоторых странах эта статья государственных вложений уже достигла уровня вложений в социальную сферу. Система образования Англии в значительной степени (особенно в сфере педагогического, естественнонаучного образования) финансируется из государственных источников. Тратя громадные средства, государство желает контролировать эффективность их использования. Автономия университетов в

Англии резко ограничивается, поскольку правительство требует отчетности по расходной части бюджета, что было новым в университетской жизни, а также вводит контроль за регулированием численности студентов и распределением средств по сферам их подготовки, за содержанием обучения и научных исследований. Осуществляется и прямой контроль за деятельностью университетов со стороны Королевской инспекции.

Университетам пытаются указывать приоритетные, с точки зрения государства, направления исследований. Кроме того, в современных условиях расширения доступности высшего образования возникла угроза снижения стандартов высокого качества. В этих условиях давление государства, считающего себя проводником интересов общества, не всегда совпадает с интересами университетов [4].

Каково содержание принципа академической автономии? Автономия (от *греч.* «самозаконие») — это самостоятельность вузов в решении вопросов, отнесенных к их компетенции. Автономия представляет собой институциональную форму академической свободы, необходимую для осуществления задач высшего образования. Следующее определение академической свободы дано в «Декларации академической свободы и полномочий» 1966 г. Американской ассоциации университетских профессоров: «Академическая свобода — преподаватели имеют право на полную свободу в исследованиях и в публикации их результатов, при условии надлежащего исполнения других закрепленных за ними академических обязанностей. Однако исследования, проводимые с целью зарабатывания денег, должны быть основаны на соглашении с администрацией института. Академическая ответственность — концепция свободы должна быть дополнена концепцией ответственности. Университетский преподаватель является гражданином, членом профессиональной ассоциации, должностным лицом института. Выступая устно или письменно, как гражданин, преподаватель должен быть свободен от институтской цензуры или дисциплины, но осознавать, что специальная позиция влечет специальную ответственность. Как член профессиональной ассоциации и должностное лицо, он должен помнить, что публика может оценивать эту профессию и этот институт по его высказываниям. Поэтому преподаватель все время должен быть

аккуратен, проявлять соответствующую сдержанность, выказывать уважение к мнениям других и прилагать все усилия для обозначения, что он не является официальным представителем института» [5].

Доктрину университетского суверенитета сформулировал профессор Женевского университета д-р Берит Ольсон: «Идеальный независимый университет должен иметь: свободу в выборе руководителя; свободу в выборе модели управления; свободу в выборе объектов научных исследований; свободу в наборе студентов; свободу в выборе общественного заказа; собственность и право распоряжаться ею; свободу в использовании средств из дополнительных источников» [6].

Герман Гельмгольц (1821–1894), немецкий ученый, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1868), при вступлении в должность ректора Берлинского университета в 1871 г. сформулировал теорию сочетания академической свободы и ответственности университетов, которая легла в основу содержания принципа академической автономии в Болонском процессе [5]. Она, в свою очередь, базируется на рецепции гумбольдтовой модели, определявшей развитие Берлинского университета — наиболее авторитетного в Европе вуза нового типа XIX в. Ее суть заключается в том, что университет — это центр образовательной системы, поскольку здесь совмещаются обучение и исследование, и, таким образом, «питомники науки» становятся также «учреждениями общей культуры». Университет культуры, основанный Гумбольдтом, получает свою легитимность от культуры, которая осуществляет синтез обучения и исследования, процесса и результата, истории и разума, филологии и критики, исторической учености и эстетического опыта, институционального и индивидуального [7].

Гумбольдтова модель университета закреплена во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в. (Париж, 9 окт. 1998 г., ст. 2). В соответствии с Рекомендацией о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 1997 г., высшие учебные заведения должны: «а) сохранять и расширять свои основные функции, соблюдая во всей своей деятельности научную и интеллектуальную этику и требовательность; б) обладать возможностями для того, чтобы выступать по этичес-

ким, культурным и социальным проблемам при полной независимости и со всей ответственностью, являясь своего рода интеллектуальным авторитетом; г) использовать свой интеллектуальный потенциал и свой моральный авторитет для защиты и активного распространения универсально признанных ценностей, включая мир, справедливость, свободу, равенство и солидарность; д) пользоваться полной академической свободой и автономией, понимаемыми как комплекс прав и обязанностей, будучи при этом полностью ответственными и подотчетными перед обществом; е) играть определенную роль в содействии выявлению и решению проблем, которые сказываются на благосостоянии общин, стран и мирового сообщества».

Международная неправительственная организация «Всемирная служба университетов», созданная в 1920 г., приняла Декларацию об академической свободе и автономии университетов (Лима, 1990 г.). В соответствии с ней академическая свобода и автономия — это:

— комплекс прав и свобод учащихся и обучающихся в секторе высшего образования: «член академического сообщества осуществляет свободу мысли, совести, религии, выражения мнения, ассоциаций и собраний, так же как и право на личную свободу, безопасность и свободу передвижения»;

— существенное условие осуществления функций, которые вверены университетам и иным институтам высшего образования;

— невмешательство государства в дела университета;

— равенство членов академического сообщества;

— свобода преподавания;

— свобода обучения для студентов, включающая право выбирать направление обучения из предоставляемых курсов и право получать официальное подтверждение полученных знаний;

— свобода научных изысканий; свобода развития образовательных возможностей;

— право на свободу ассоциации всех членов академического сообщества, включая право на создание профессиональных союзов в целях защиты их интересов;

— высокая степень автономии институтов высшего образования;

— самоуправление институтов высшего образования;

— участие всех членов академических сообществ в управлении академическими и административными делами;

— выборность всех управляющих органов институтов высшего образования;

— самостоятельное принятие решений, касающихся управления и определения политики образования, исследования, просветительской работы, размещение ресурсов иных видов деятельности, к ним относящихся» [8].

Таким образом, в Лимской декларации Всемирной службы университетов академическая свобода трактуется в духе образовательного либерализма, представляет собой в первую очередь комплекс прав и свобод учащихся и обучающихся в секторе высшего образования, условие реализации миссии университетов, демократическое самоуправление.

Болонский процесс придает данному принципу большое значение. В «Великой хартии университетов» (1988 г.), принятой в Болонском университете на съезде европейских ректоров, созванном по случаю 900-летия этого старейшего учебного заведения Европы 18 сентября 1988 г., находим следующую формулировку: «Университет действует внутри обществ с различной организацией, являющейся следствием разных географических и исторических условий, и представляет собой институт, который критически осмысливает и распространяет культуру путем исследования и преподавания. Чтобы отвечать требованиям современного мира, в своей исследовательской и преподавательской деятельности он должен иметь моральную и научную независимость от политической и экономической власти». Упрощая, можно сказать, что реальная автономия вузов имеет место в ситуации, когда учредитель выполняет свои обязательства по финансированию вузов и созданию необходимых условий для их деятельности, а все вопросы, относящиеся к содержанию образования, методике преподавания, штатному расписанию и т. п., вузы решают самостоятельно. При этом учредитель — и не только он — может, разумеется, «заказывать» вузу подготовку специалистов, необходимых для национальной экономики и культуры, что оформляется соответствующим образом (контрактом).

В Хартии сформулированы принципы автономии университетов исходя из их особой роли в современном мире как центров культу-

ры, знания и исследований. К основным принципам их деятельности отнесены: автономность университетов, выполняющих функцию критического осмысления действительности для целей распространения культуры путем преподавания и научных исследований; независимость университетов от политических, экономических и идеологических властей; выполнение своей миссии при соблюдении требований свободы с обеих сторон: власти и университетов [9].

На съезде ректоров в г. Саламанке в Испании (29–30 марта 2000 г.) снова выражена приверженность академического сообщества принципам автономии и подотчетности, ценностям академической свободы, что означает, что вузы должны иметь право: определить свои собственные стратегии; выбирать приоритеты в учебной и исследовательской работе; формировать образовательные программы; устанавливать критерии отбора преподавателей; распределять ресурсы. Для реализации этого права университетам нужны: административная свобода; регулирующие структуры, которые обеспечили бы поддержку без излишней жесткости; достаточное финансирование [10].

Таким образом, в официальных международных и европейских документах под академической автономией понимается «автономия с ответственностью» с акцентом на последнее. Университеты должны обладать академической свободой, они должны иметь право самостоятельно формировать свою стратегию, выбирать свои приоритеты в обучении и проведении научных исследований, расходовать свои ресурсы, профилировать свои программы и устанавливать свои критерии для приема профессоров и учащихся.

В России университеты создавались по инициативе государства и финансировались им. Поэтому традицией российского высшего образования была высокая степень огосударствления университетов. Несмотря на то, что Московский университет был открыт в 1755 г., академическая автономия была введена лишь в 1804 г. Университетский устав, закреплявший автономию университетов, соответствовал либеральному духу «дней Александровых прекрасного начала». Совет профессоров выбирал ректора, решал кадровые вопросы, определял порядок учебного процесса и являлся высшей инстанцией университетского суда. В дальнейшем у российских университетов автономию то

отнимали, то снова возвращали: Николай I автономию упразднил, реформатор Александр II вернул. Еще один шаг в сторону свободы был сделан во время революции 1905 г., но действие ограничительного Устава 1884 г. сохранялось вплоть до 1917 г. А потом уже университетами, как и всеми остальными сторонами жизни, управляло государство [11].

Сейчас, как известно, независимость высших учебных заведений от государства является требованием ООН к странам-участницам. Россия полностью отвечает выдвигаемым ООН правилам. Современные российские вузы в соответствии с законодательством обладают автономией. Конституция России 1993 г. лишь отчасти закрепила принцип академической свободы, а именно свободу преподавания и научных исследований. В то же время статья 3 «Автономия высших учебных заведений и академические свободы» Федерального Закона РФ (в ред. от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ) «О высшем и послевузовском образовании» устанавливает принцип академической автономии: «1. Под автономией высшего учебного заведения понимается его самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке. 2. Высшее учебное заведение несет ответственность за свою деятельность перед личностью, обществом и государством. Контроль за соответствием деятельности высшего учебного заведения целям, предусмотренным его уставом, осуществляют в пределах своей компетенции учредитель высшего учебного заведения и уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, выдавший лицензию на ведение образовательной деятельности (далее — лицензия). 3. Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям». В § 50 статьи V Правительственного постановления от 5 апре-

ля 2001 г. «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации» сказано: «Высшее учебное заведение обладает автономией и несет ответственность за свою деятельность перед каждым обучающимся, обществом и государством. Под автономией понимается степень самоуправления, которая необходима высшему учебному заведению для эффективного принятия решения в отношении своей уставной деятельности». У вуза должен быть устав, который принимается «общим собранием научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся». Руководящим органом современных российских институтов и университетов является ученый совет — выборный представительный орган, в который входят ректор, проректоры и другие представители структурных подразделений вуза и обучающихся в нем. Ректор избирается тайным голосованием на общем собрании. Правда, его кандидатуру должны утвердить органы исполнительной власти, в ведении которых находится высшее учебное заведение. Кроме самостоятельности в управлении, российские вузы имеют право решать различные финансовые вопросы: определять плату за обучение, устанавливать цену за дополнительные образовательные услуги и т. д.

В соответствии с решениями и обсуждениями в рамках Болонского процесса имеется существенная связь между автономией (вузов), ответственностью и обеспечением качества. Девяностые годы — период резкого скачка в развитии автономии российских вузов. Им было передано в управление имущество (здания, оборудование, сооружения, земля и т. д.), предоставлены широкие права, существенные налоговые льготы (последние, правда, недавно отменены). Государство освободило их от идеологической опеки, от многих форм регулирования, мешавших в советские времена процессам академического развития. При этом государство в значительной степени «освободило» вузы и от финансовых ресурсов. Это немедленно привело к поискам средств и способов выживания, что вызвало снижение академического качества. Финансовый дефицит привел к кадровым потерям. Потребность выживания вынудила сначала вводить коммерческие образовательные программы, значительная часть которых не была

обеспечена содержательным потенциалом (преподавательские кадры, библиотеки и т. д.) Затем доля этих программ стала нарастать, «отжимая» на второй план в специализированных вузах (а их было большинство) традиционные, пока еще конкурентоспособные программы.

В России сегодня между автономией вуза и его ответственностью за академическое качество существует противоречие. Противоречие и напряженность во взаимоотношениях между обществом, государством, университетом были всегда, как в любой открытой социальной системе, каковым является университет. Во многих случаях предоставленная вузам широкая автономия привела к академической вседозволенности. Какую-то часть этого противоречия все еще можно решить административными мерами. Но в долгосрочном плане эти возможности не согласуются с общими российскими тенденциями разгосударствления. Поэтому институты высшего образования обречены двигаться в направлении общественного мониторинга качества, опираясь на международный уровень содержания, так же как и в Западной Европе, где процесс создания и развития национальных агентств по контролю качества и по аккредитации находится в полном разгаре. Российским университетам еще предстоит поиск оптимальной формулы взаимоотношений с государством и обществом. Жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, в том числе и университетам.

Литература

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994, С. 127–153. *Rashdall H. The universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1936. Vol. 1. P. 87–267.*
2. Гофф Ж. ле. Средневековая цивилизация // <http://vf.narod.ru>
3. Academic Freedom / Ed. by J. Johnsen. N. Y., 1925; The Concept of Academic Freedom / Ed. by E. L. Pincoffs. Austin, 1972; *Hook S. Academic Freedom and Academic Anarchy. N. Y., 1965; Казакова Н. В. Университеты и экономика, основанная на знаниях. Саратов, 2002.*
4. *Becher T. The state and the university curriculum in Britain // Europ. J. of education. 1994. Vol. 29, № 3. P. 231–245. 503; Beloff M. The British universities and the state // Minerva. 1994. Vol. 32, № 2. P. 188–193; Coghlan E. R. University autonomy: The '80s and after // Higher education quart. 1994. Vol. 48, № 2. P. 86–117; Kogan M. Assessment and productive research // Higher education quart. 1994. Vol. 48, № 1. P. 57–67; Russell C. Academic freedom: a reply // Minerva. 1994. Vol. 32, № 3. P. 334–343; Ридингс Б. Университет в руинах // Отечественные записки. 2003. № 6 (15); Nyborg P. Institutional autonomy: Relations between state authorities and higher education institutions. Sarajevo Seminar, 11–12 Nov. 2002 // <http://vf.narod.ru>*
5. Britanica CD // <http://galactionov.malist.ru>
6. Евсеев И. Е. Классический университет. Предостережение о будущем // <http://sprumag.ru>
7. Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. 2003. № 6 // www.yandex.ru
8. Academic Freedom 1990. A Human Rights Report / Ed. by L. Fernando. Geneva, 1990.
9. Болонский процесс в документах // <http://rumi.ru>
10. Там же.
11. Аврус А. И. История российских университетов. Саратов, 1998. С. 3–78.

